

А. С. Альшевская
«ТРАНСКРИПЦИЯ»
ОБРАЗА БАБЫ-ЯГИ В ЛИТЕРАТУРЕ:
ПОРТРЕТ

Некоторые образы сверхъестественных существ из волшебных сказок, использовавшиеся писателями, претерпевали в их творчестве значительные изменения, причем не только с точки зрения внутренних качеств, но и в плане портретных характеристик. Самым ярким примером является внешняя трансформация образа Бабы-яги.

Внешность Бабы-яги в народном творчестве неприглядна: это старая безобразная старуха с костяной ногой. Демонический облик яги сохраняется во всех народных сказках, но описание черт ее внешности варьируется: «Баба-яга, костяная нога, морда глиняная» [9, с. 138], «губы на грядке, а нос к потолку прирос» [9, с. 139]. Н. Новиков в своей книге «Образы восточнославянской волшебной сказки» подчеркивает, что в народных сказках «в фантастически преувеличенном, уродливо комическом виде изображается рост Бабы-яги и отдельные части ее старческого тела – ноги, уши, нос, губы, зубы» [9, с. 139]. Демонический образ Бабы-яги – это комический портрет, в котором преобладает гротеск. Именно это и определяет набор описываемых черт.

Если говорить о литературных произведениях, то в некоторых из них внешность Бабы-яги не описывается, например, в пьесе Е. Шварца «Два клена», а также в сказке Т. Александровой «Домовенок Кузька». В этом случае никаких новых черт Бабы-яге авторы не добавляют, сохраняя ее традиционную внешность.

Н. Новиков уточняет, что «некоторые сказочники не описывают внешность Бабы-яги, а лишь констатируют, что она старая или дряхлая, седая, беззубая, страшная старуха» [9, с. 139]. В современной литературе также есть произведения, в которых нет подробной портретной характеристики яги. Так, в романе Ю. Буркина и С. Лукьяненко «Остров Русь» она просто седая старуха. Но встречаются и более подробные характеристики, например, в романе И. Боброва «Наше величество Змей Горыныч»: «...лицо – что картошка печеная – темное да сморщенное, нос длинный, зубы острые, а рот совсем безгубый» [3, с. 114]. Если для народной сказки характерно гротескное изображение яги, то литературное описание ее внешности ближе к объективной

реальности. Так, в романе В. Жарикова «Четырнадцатое, суббота» Баба-яга – это «косматая, носатая древняя старуха» [5, с. 22] «с кривым сучковатым посохом» [5, с. 19], у которой «мохнатые, как у филина, брови» [5, с. 340]. Братья А. и Б. Стругацкие в повести «Понедельник начинается в субботу» описывают лицо Бабы-яги следующим образом: «Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщин выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые» [10, с. 8]. Как видим, данное описание подходит не только для облика Бабы-яги, но и для характеристики очень старой женщины.

Если обратить внимание на то, какие именно детали облика яги подчеркиваются в большинстве народных сказок, то стоит в первую очередь выделить ее костяную ногу и длинный нос. Но поскольку в творчестве писателей есть тенденция к более реалистичному изображению персонажей, то вместо костяной ноги у нее хромота, вызванная естественными причинами (от старости либо в результате травмы). Рассмотренные нами в ходе исследования портретные характеристики дают возможность констатировать, что в литературных произведениях демонический образ яги наделяется следующими чертами: на первом месте по частотности использования – хромота и длинный, острый нос; на втором – острые зубы, морщинистое лицо, седые и косматые волосы; на третьем – темный цвет лица, а также скрюченная (горбатая) спина.

На основе достаточно большого пласта художественных текстов мы можем, помимо демонического, выделить еще и эстетически прекрасный образ Бабы-яги. В отдельных произведениях образ яги не является статичным: в них отражена ее жизнь от юности до старости. В результате наблюдается переход эстетически прекрасного образа яги в демонический, например, в повести А. Аливердиева «Лукоморье» и в рассказе А. Гравицкого «Ягодка».

Эстетически прекрасен идеализированный образ молодой яги: нет хромоты, красивые волосы, глаза, фигура. Ее внешность вызывает восхищение. Например, в повести «Лукоморье» А. Аливердиев дает следующее ее портретное описание: «дивные золотые волосы, волнами спадающие с изумительных плеч и сияющие зеленые глаза» [1, с. 134]. А в рассказе А. Гравицкого «Ягодка» Баба-яга показана еще совсем ребенком: «очаровательное личико с серыми глазами и золотыми, в свете восходящего солнца, волосами» [4]. Как видим, для описания внешности используются цветовые эпитеты («золотые волосы»), оценочная лексика («волосы дивные», «изумительные плечи»),

метафоры («волосы, волнами спадающие с плеч»), описан цвет глаз, их выражение («сияющие зеленые глаза»).

При рассмотрении демонического и эстетически прекрасного образов стоит обратить внимание на то, что в литературных произведениях появляется описание глаз яги, ее голоса, одежды, чего не было в народных сказках. Отметим, что голос яги всегда соответствует ее облику. Если облик демонический, то голос хриплый и каркающий (например, в рассказе А. Гравицкого «Ягодка») либо грубый, мужской (в сказке Т. Александровой «Домовенок Кузька»). Если облик эстетически прекрасный, то у яги «звонкий девичий голос» (например, в романе В. Князевой «Медное царство» [6, с. 64]).

Если говорить о глазах Бабы-яги, то, например, в повести братьев Стругацких они «бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами» [10, с. 8]. Обратим внимание на то, что бельмо – это заболевание глаза, влияющее на остроту зрения, а В. Пропп в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» упоминает о слепоте яги. У А. Гравицкого яга предстает с одним зеленым глазом, а вместо второго у нее пустая глазница. А. Белянин изображает ягу с разноцветными глазами: «один глаз голубой, другой фиолетовый» [2, с. 13]. Стоит отметить, что это намек на ее способность к колдовству, так как раньше считалось, что глаза зеленого цвета или разноцветные – это признак ведьмы или колдуна (например, у булгаковского Воланда один глаз черный, а второй зеленый). В романе В. Князевой «Медное царство» именно глаза выдают истинный возраст яги: «Странная была яга, вроде и молодая, а глаза выцветшие, хоть и горели задорным юношеским огнем» [6, с. 64]. Заметим, что цвет глаз при изображении эстетически прекрасного облика Бабы-яги может быть любой: зеленый, серый, карий (например, в романе Т. Коростышевской «Внучка бабы Яги»), так как он не несет дополнительной смысловой нагрузки, как, например, при изображении демонического облика яги.

Если в народных сказках одежда Бабы-яги не описывается, а то, как она одета, мы представляем, глядя на картины иллюстраторов и на образ яги в исполнении Г. Миллара, то в отдельных литературных произведениях достаточно подробно описывается ее наряд. Например, у братьев Стругацких голова Бабы-яги «покрыта веселенькой капроновой косынкой» [10, с. 8], одета она «в ватную безрукавку и черное суконное платье» [10, с. 8]. Правда, большинство описаний наряда Бабы-яги в значительной степени отличаются от стереотипных представлений. Например, у Т. Александровой она предстает в торжественном русском национальном костюме: алый сарафан,

на голове кокошник, на ногах сафьяновые сапожки. В повести «Лукоморье» А. Аливердиева на яге «короткое довольно фривольное платьице в стиле Дианы-охотницы и грубоватые сапожки из сыромятной кожи».

Во всех рассмотренных выше произведениях повествование ведется от лица автора или стороннего по отношению к яге персонажа. Если же рассказ ведется от лица главной героини, яги, то ее портрет дается либо в форме субъективной оценки ее внешности другими персонажами, либо в форме самооценки, поэтому в данном случае можно говорить об аксиологическом (оценочном) образе Бабы-яги. Например, в романе Е. Никитиной «Баба-яга Бессмертная» главная героиня оценивает свою внешность следующим образом: «Ничего интересного. Лицо как лицо, второго носа нет, уши и глаза по своим местам расставлены» [8, с. 5]. Остальные характеристики даются через восприятие других персонажей. Например, отмечается тот факт, что она не следит за своим внешним видом: «Первый раз вижу девушку, которую не интересуется собственная внешность, – удивился князь» [8, с. 90]; «Ты на себя посмотри, вылитая Баба-яга. Глаза красные, волосы растрепанные, нос торчит. А если ты и дальше есть не будешь, то тебя еще и костяной ногой прозовут» [8, с. 17]. При этом подчеркивается, что данный факт не мешает ей нравиться окружающим: «Князь тебя в любом виде на руках носить готов», – замечает ее говорящий кот Сеня [8, с. 5]. Подобная противоречивая картина наблюдается и в романе Т. Коростышевской «Внучка бабы Яги». В самооценке главной героини сочетаются не очень лестное отношение к своей персоне и одновременно гордость от того, как к ней относятся представители противоположного пола: «Меня замарашку, чернавку такой завидный жених приметил! Ай да я!», – думает она про себя [7, с. 5]. Стоит отметить, что, в отличие от демонического и эстетически прекрасного образа яги, портретная характеристика в данном случае достаточно субъективна и противоречива, так как она основывается на сиюминутных восприятиях персонажей. Заметим, что читателю не дается информация о конкретных чертах лица главной героини, поэтому он лишь может предполагать, насколько данная оценка ее внешности объективна.

В заключение необходимо отметить, что внешнее преобразование облика Бабы-яги связано с изменением тех черт характера, которыми ее стали наделять писатели в своем творчестве. Заметим, что данная трансформация образа яги связана в первую очередь с постмодернистской тенденцией к деконструкции уже существующих образов, причем чаще всего в сторону их антропоморфизации.

Літаратура

1. *Аливердиев, А.* Баба Яга / А. Аливердиев // Звездная дорога. – 2000. – № 12. – С. 131–140.
2. *Белянин, А. О.* Тайный сыск царя Гороха; Заговор Черной Мессы: фантаст. романы / А. О. Белянин. – Москва: Армада: Альфа-книга, 2005. – 490 с.
3. *Боброва, И.* Наше величество Змей Горыныч: фантаст. роман / И. Боброва. – Москва: Армада: Альфа-книга, 2008. – 342 с.
4. *Гравицкий, А.* Ягодка [Электронный ресурс] / А. Гравицкий. – 2007. – Режим доступа: <http://www.gravitsky.ru/literature/story/yagodka.html>. – Дата доступа: 27.04.2017.
5. *Жариков, В.* Четырнадцатое, суббота: фантаст. роман / В. Жариков. – Москва: Армада: Альфа-книга, 2008. – 347 с.
6. *Князева, В.* Медное царство: фантаст. роман / В. Князева. – Москва: Армада: Альфа-книга, 2008. – 376 с.
7. *Коростышевская, Т.* Внучка бабы Яги / Т. Коростышевская. – Москва: Армада: Альфа-книга, 2012. – 320 с.
8. *Никитина, Е.* Баба-яга Бессмертная / Е. Никитина. – Москва: Армада: Альфа-книга, 2007. – 384 с.
9. *Новиков, Н.* Образы восточнославянской волшебной сказки / Н. Новиков. – Ленинград: Наука, 1974. – 255 с.
10. *Стругацкий, А. Н.* Избранное: в 2 т. / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – Т. 1. – Москва: Моск. рабочий, 1989. – 527 с.

А. У. Багдановіч

МЕТАМАРФОЗЫ ЎЖЫВАННЯ СЛОВА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЗЕЯСЛОВА «АПЫНУЦЦА»)

Штуршком для прапанаваных разваг стаў артыкул, дакладней, яго назва: «Чырвоны каршун апынуўся ў клопатах» [1]. З самога тэксту выявілася, што птушка аказалася ў бядзе. І тут, відаць, не абышлося без польскага ўплыву: у польскай мове ёсць выразы *mieć kłopoty*, *być w kłopotie* ‘быць у бядзе’. Можна дапусціць, што аўтару не даспадобы было спалучэнне *птушка аказалася ў бядзе* (рус. *птица оказалась в беде*), і ён выбраў варыянт, які зусім не падобны да рускай мовы. Але такое рашэнне наўрад ці можна лічыць удалым.

Між тым з этымалагічных слоўнікаў вынікае, што *оказаться* і *апынуцца* паходзяць з аднаго арэалу – усходнеславянскага: «**Оказаться** <...> Из праслав. (вост.-слав.?) *обказати (се)» [3, с. 63–64]; «**Апыну́цца** <...> Укр. *опинитися*, дыял. рус. (паўдн., зах.) *опынуться*» [4, с. 140].

У канкрэтным ужыванні (у розных кантэкстах, пры рознай спалучальнасці і пад.) размежаванне іх больш істотнае, чым здаецца на першы погляд. Больш за тое: не заўсёды *апынуцца* і *аказацца* ўзаемазамяняльныя. І гэты факт, на жаль, нярэдка ігнаруецца новымі носьбітамі беларускай мовы, так званымі «дзецьмі асфальту», для якіх першай мовай была і застаецца руская мова, а беларуская – толькі адна з моў, якія вывучаюцца ў школе, на курсах ці самастойна. Гэтыя носьбіты імкнуцца выбіраць у камунікаванні такія словы, якія б ніяк не нагадвалі рускія лексемы, што нярэдка вядзе да некарэктных і недарэчных выказванняў. Вось ілюстрацыі з інтэрнэту на ўжыванне слова *апынуцца*, дзе ўсе варыяцыі звязаны толькі да аднаго слова: *Як Элісан апынулася жывая? Хлопец апынуўся студэнтам. Міліцыянт апынуўся жыхаром Пінску. Як апынуцца юнгаі на караблі?* Зразумела, што чалавек, які засвоіў мову з дзяцінства, так гаварыць не будзе.

Зварот да «Нацыянальнага корпусу рускай мовы», а дакладней, да паралельных руска-беларускага і беларуска-рускага карпусоў, укладзеных на аснове літаратурна-мастацкіх твораў, на запыт рус. *оказаться* прапануе дастатковую колькасць ілюстрацый [2], якія дэманструюць разнастайныя беларускія эквіваленты, сярод якіх, напрыклад, такія:

Тогда, сообразив, что прикидываться странником по святым местам, человеком, спасающим душу, – старо, а может *оказаться* и неприбыльно, попробовал прикинуться иначе... (И. А. Бунин. Суходол. 1911). – Тады, скеміўшы, што прыкідвацца падарож-